

СЕДУН

Жил-был крестьянин. Было у него три сына: старший – Василей, средний – Пёдор и младший – Иван. Был Иван седуном, с печи не слезал, всё сидит там, бывало, да глину колупает. А два других брата – те не глупые, толковые.

Вот заболел как-то отец, совсем ослабел. Позвал сыновей, говорит:

– Ну, сыновья мои, видно, помирать мне пришла пора, не поправлюсь уже. Похороните меня, а потом три ночи навещайте могилу. В первую ночь пусть Василей придёт, во вторую – Пёдор, а после и ты приходи, Седун.

Так простился отец с сыновьями, да тут же и отошёл. Похоронили они его честь по чести. Наступил вечер, пора идти на могилу старшему сыну.

Василей и говорит:

– Не сходишь ли ты, Седун, на могилу отца вместо меня? Я куплю тебе за то красную рубаху.

– Ладно, схожу, – согласился Седун. Давно он заглядывался на красную рубаху. Собрался не мешкая и пошёл.

Проспал ночку на могиле отца Седун, а утром отец подарил ему красного красавца коня. Доволен Седун. Отвёл скорей коня к ручью, сам же как ни в чём не бывало пошёл домой.

Вот вторая ночь приближается, надо идти на кладбище среднему брату, Пёдору. Вечером просит Пёдор Седуна:

– Не сходишь ли ты, Иван, вместо меня на могилу? Я справлю тебе за это пару сапог.

– Схожу, – опять согласился Седун. И на что ему вроде сапоги? Никуда ведь не ходит. Да, видно, надо и ему покрасоваться – пошёл.

Проспал Седун вторую ночь на могиле отца, утром получил в подарок серого коня. Седун рад, отвёл и этого коня к ручью.

Когда приблизилась третья ночь, и настал черёд самого Седуна идти на кладбище, он подумал, что теперь уж никто ему за это не заплатит. Поплёлся, однако, проспал на могиле отца и третью ночь. Утром отец подарил младшему сыну вороного коня. Отвёл Седун и воронка к тому же ручью.

А той стороной правил царь, и было у царя три дочери: Марья, Василиса и Марпида. И пришла им пора выбирать себе женихов. Царь дал девицам по шёлковому платку: одной красивый-прекрасивый платок, другой ещё краше, а младшей, Марпиде-царевне, самый красивый, весь огнём горит.

Утром вывесила на балкон свой платок старшая дочь.

– Кто достанет платок, – объявили по всему царству, – тому и быть женихом!

Услыхал это народ – со всех сторон ко дворцу потянулся. Братья Седуна тоже засобирались. "Может, и нам счастье улыбнётся!" – думают про себя.

Увидел их сборы Седун, спросился:

– Братья, не возьмёте ли и меня с собой?

Те только смеются:

– Куда тебе, дураку! Сидел бы уж на печи.

Запрягли они в сани старую отцовскую клячу и поехали.

А Седун пошёл к ручью, кликнул там красного коня и влез ему в ухо. В одном ухе попарился-помылся, в другом – оделся-обулся и вышел такой красивый да сильный – молодец молодцом!

Вскочил молодец на коня и вскоре догнал своих братьев – они на кляче-то недалеко и уехали. Догнал и, не останавливаясь, только наклонившись, ударил на скаку по уху одного брата, ударил другого и просвистел мимо. Повалились братья на колени.

– Свят, свят, – говорят, – никак, Илья-пророк промчался!

А Седун промчался к цареву дворцу, выше балкона подпрыгнул, но платок оставил, не взял.

Дивится народ:

– Вот ведь может, а не берёт!

Наверно, какой-нибудь счастливец и достал потом этот платок, но Седун не видел. На обратном пути он ещё раз повстречал своих братьев, опять дал по уху одному и другому. Повалились братья на колени.

– Свят, свят, – говорят, – и верно Илья-пророк! Как застращал!

Когда братья домой воротились, Седун на печи лежал – он давно уж прискакал, коня к ручью отпустил, а сам на своё место влез.

– Ну, братцы, что видели-слышали? – спрашивает.

– Ничего не видели, – говорят. – Кто-то снял уж платок, не про нас он, видно... Только Илья-пророк по дороге проскакал мимо, застращал нас сильно.

– А я так никакого грома не слышал. Сидели бы и вы дома – лучше было бы, – говорит Седун.

На другой день средняя дочь вывесила платок. Братья опять собрались – может, на этот раз повезёт.

Попросился было Седун:

– Возьмите и меня!

Да они только рассмеялись:

– Молчи уж, дурак, куда ты пойдёшь! Лежи себе на печи.

Запрягли свою клячу и поехали.

Слез Седун с печи, пошёл к ручью, кликнул другого коня, серого. В одно ухо влез – помылся-попарился, в другом оделся-обулся, опять сильным да красивым молодцом явился. Вскочил на серого коня и поскакал. Как догнал братьев, опять, не слезая с седла, одному дал раз, другому, повалились они на колени.

– Свят, свят! – крестятся. – Илья-пророк промчался, совсем застращал нас!

А Седун подъехал к балкону, подпрыгнул и опять, как в прошлый раз, не взял платок, только глянул.

Подивились люди:

– Вот ведь каков: мог взять платок, а не снял!

Поскакал Седун обратно. Глядит: братья его всё ещё к цареву дворцу едут. Опять почтил их Седун затрещинами, повалились они на колени, шепчут:

– Свят, свят! Да ведь в самом деле Илья-пророк!

Скоро ли, не скоро, воротились братья домой. Седун спрашивает с печки:

– Ну, братья, достался ли сегодня платок?

– Не достался нам, кто-то снял уже, – отвечают братья. – Только Илья-пророк скакал мимо, опять нас стращал...

– А я так ничего не слышал, – говорит Седун. – Сидели бы оба дома, никаких страстей не видали бы.

На третий день младшая из сестёр – Марпида-царевна вывесила платок.

Народ собрался со всего царства – кто только ни хотел достать тот платок! Завидно братьям, говорят:

– Сходим и мы, может, достанется напоследок.

Седун тоже не смолчал на печи:

– Сегодня и я не останусь дома, поеду с вами

Потом вышел и первый сел в сани. Посмеялись братья, поругали и отговаривать принялись – не вылез Седун из саней.

– Ну, будь по-твоему, – согласились наконец. Довезли Седуна до ручья и вытолкнули его из саней. Вытолкнули и, посмеявшись, уехали, а Седун остался.

– И то хорошо, что до ручья довели, самому не тащиться, – улыбнулся вслед Седун. Кликнул третьего – вороного коня, в одно ухо влез – попарился-помылся, в другом – оделся-обулся, такой молодец стал, статный да красивый. Вскочил на коня и помчался. Ох и досталось от него братьям! Оглянулся, отъехав, – они всё ещё на коленях стоят, подняться не смеют...

– Свят, свят! – шепчут, – Илья-пророк проскакал, страху нагнал...

Подъехал Седун ко дворцу, разогнал коня, тот прыгнул выше крыши, и только когда опускался, снял Седун платок у Марпиды-царевны.

– Ой, ловите, ловите! – кричат люди. – Кто это? Кто такой?

А как его изловишь, если он верхом пошёл, над головами?

На обратном пути вновь встретил Седун братьев – те все ещё ко дворцу ехали – и опять хорошенько отколотил их. Повалились те на колени.

– Свят, свят! – крестятся. – Опять Илья-пророк страху на нас нагоняет...

Приехали они домой, а Седун уже на печи.

– Завтра, Седун, и ты с нами поедешь, – говорят.

– Ну, – удивился Седун, – неужто и меня приглашают?

– Завтра все должны быть, даже безногие и слепые, со всего царства. Царские дочери будут искать в толпе своих женихов.

– Ладно, поеду, – согласился Седун, – если только не станете выкидывать меня из саней. А платок не достали?

– Не достали, – отвечают. – Только Илья-пророк вновь такого страху на нас нагнал, о каком мы и слыхом не слыхивали.

– А сидели бы дома, как я, лучше бы дело было.

Улеглись братья спать с вечера, а на рассвете проснулся один и глазам не верит:

– Что такое? Горим, что ли? Не пожар ли в избе?

А это кончик красного платка высунулся во сне из-за пазухи Седуна.

– Брат, брат, – стал один брат будить другого, – никак, Седун избу поджёг, огонь на печи вон!

Услышал это Седун, спрятал кончик платка под рубаху, огня-то и не видать стало. Повскакивали братья, а никакого пожара нет.

Как совсем рассвело, запрягли братья клячу, кликнули с собой Седуна к царевым хоромам. Глядят, а люди со всех сторон идут и едут – кто может, и кто нет, слепой и безногий, бедный и богатый. К полудню все собрались, никого по домам не осталось. Седун тоже со всеми торопится.

– Этого-то зачем привели? – смеются кругом. – Ведь он – сразу видно – не жених.

– Нет, – отвечает царь людям, – все должны быть сегодня здесь!

Когда народ собрался, царь поднёс старшей дочери кубок вина, велел обойти с ним всех людей:

– У кого увидишь свой платок, тому поднеси вино, а потом сядь на его колени – он и будет твоим женихом.

Только пошла старшая дочь обходить гостей, тут же и увидела свой платок – кто достал, тот ведь прятать не будет.

– Батюшка, – говорит девушка, – нашла я своего жениха!

Угостила она суженого вином и села на его колени.

Подал отец кубок вина второй, средней дочери:

– Теперь ты обойди гостей, найди, угости своего суженого и сядь к нему на колени.

Наконец настал черед обходить гостей Марпиде-царевне. Подал ей царь кубок вина, наставил, как прежде её сестёр. Стала Марпида-царевна обходить ряды гостей, а платок-то её немного – самый уголок – высунулся из-за пазухи Седуна. Глянула на суженого Марпида, так сердце у неё и упало. Прошла она мимо Седуна, будто ничего и не заметила, и ни с чем вернулась к отцу.

– Не сыскала я, батюшка, платка, – говорит.

– Обойди в другой раз, – отвечает царь. – Всё равно где-нибудь свой платок увидишь. Здесь он должен быть, в стороне людей не осталось!

Царевна опять обошла всех и мимо Седуна прошла, только опять будто и не заметила платка, хотя он теперь наполовину высунулся. Принесла она кубок вина, поставила на стол.

– Не нашла, – говорит, – батюшка, платка. Даже и знать не знаю, где бы он мог быть...

Нахмурился царь.

– Так и не сыскала? – спрашивает. – Или плох на вид жених, стыдишься, должно? Пойди да гляди лучше.

На этот раз не стала царевна обходить гостей, пошла прямо к Седуну, угостила вином, вытерла ему платком под носом и села рядом. Увидели это люди, что рядом-то села, хихикать стали.

– Нашла? – спросил царь, услышав смешки.

– Нашла, батюшка, – проговорила Марпида-царевна, а сама и голову от стыда не поднимает. Тут увидел царь её суженого, огорчился.

– Тьфу! – говорит. – Ну и сыскала себе жениха, мне зятя...

Да что делать – не откажешься от царского слова. Отправил их царь в какой-то хлев, в котором то ли свиней, то ли коров прежде держали. Без пира и почестей отправил.

– Уходите, – говорит, – с моих глаз!..

А с двумя другими зятьями пировать остался. И мы там были – ели-пили...

Вот зашёл я как-то к царю и рассказал, что, мол, далеко-далеко водится златорогий олень. В поле пасётся, бегаёт быстро, да если кто поймает, тот уж, конечно, самого первого места в царстве...

Понял царь, к чему всё это рассказано, говорит зятьям:

– Покажите-ка своё уменье – изловите того оленя и приведите сюда.

Ну, засобирались зятья, взяли верёвки, кожаные вожжи и отправились в степь. А Седун говорит жене:

– Выйди к отцу, попроси водовозную клячу, я тоже хочу оленя ловить, я тоже царский зять.

Царевна Марпида пошла к отцу просить клячу для Седуна.

– Какую ещё клячу нужно этому Седуну? – отмахнулся царь. – Пусть лучше сидит дома, не смешит людей.

А Марпида-царевна опять просит отца:

– Жалко, что ли, клячу-то? Дай ему.

Тут уж и матушка-царица слово замолвила за свою дочь. Отдал царь водовозную кобылу. Худая та была – кожа да кости. Приполз Седун и сел на неё не как все, а задом наперёд. Конец хвоста в зубы взял, ладонями по бокам хлопает – едет!

– Смотрите, смотрите! – кричат кругом люди. – Седун-то, третий царев зять, тоже поехал оленя ловить!

– Задом наперёд уселся! Не иначе как он и изловит златорогого оленя!

А Седун знай себе едет да едет, будто и не слышит эти насмешки. Добрался до своего ручья, схватил за хвост кобылу да как встряхнул – туша разом отлетела, а в руках только шкура осталась! Повесил он эту шкуру на изгородь и кликнул своего коня. Прискакал первый, гнедой. Вошёл Седун в одно ухо, помылся-попарился, в другом оделся-обулся и таким молодцом опять стал – заглядишься! Вскочил на коня, догнал свояков, одного ударил по уху, другого и полетел дальше. А те повалились на колени, крестятся:

– Свят, свят! Илья-пророк страху нагоняет.

А Седун тем временем изловил в поле златорогого оленя, обратно едет.

Увидели Седуна свояки, удивились:

– Ты уже обратно едешь, оленя везёшь, а мы только на охоту собираемся!

– Поздно, – говорит Седун, – я уже изловил златорогого.

Принялись свояки уговаривать Седуна, чтобы он продал им этого оленя.

– Ну, ладно, – ответил Седун. – Только плата за него особая. Отрежьте с ноги по большому пальцу и дайте мне, иначе не получите оленя.

Подумали свояки, да как иначе быть? Отрезали по большому пальцу с ноги, отдали молодцу. Отдал им Седун златорогого оленя и умчался.

Приехали, привезли зятя оленя царю, любо тому стало, ещё радушной их угощает.

– Вот зятя какую добычу привезли, – хвалит. – Этакое зверя поймать сумели! Седун вон тоже на охоту отправился, да всё нет его. Не видали ли где?

– Не видали, – говорят зятя и опять наперебой рассказывают, как ловили златорогого красавца.

Немало прошло времени, пока Седун вернулся. До ручья скоро доскакал, да от ручья плестись пришлось долго. Да ещё на лошадиной туше поймал с десятков ворон-сорок и потащил царю.

– Натё, – говорит, – тещь-тёща, добычу вам принёс!

– Тьфу! – только и сказал царь и приказал слугам выбросить птиц куда-нибудь подальше.

Вот хохоту-то было!

Приковылял Седун в хлев, на кухоньку теперешнюю, к суженой своей, – к столу даже не пригласили...

Пошёл я опять к царю и рассказал, что где-то в дальнем краю, слышно, водится свинка – золотая щетинка. Выслушал царь, говорит:

– Ну, зятя, поймайте мне ту свинку – золотую щетинку. Привезёте её – любимыми зятями будете.

Ноги хоть и болят у зятёв после недавней охоты на златорогого оленя, да царю не откажешь. К тому же и любимыми зятями хочется быть.

– Ладно, – говорят, – поймаем.

Взяли сырмятные вожжи и поехали.

А Седун опять свою Марпиду к царю-батюшке посылает:

– Сходи, Марпида-царевна, попроси у отца другую клячу, я тоже поеду за свинкой – золотой щетинкой. Зять ведь я ему!

Пошла Марпида-царевна к отцу, стала просить клячу, а отец стоит на своём:

– Не дам! Хватит того, что один раз уже осрамил перед всем честным народом.

Тут царица-матушка опять за дочку заступилась, жалко, видать, стало царевну, ну, вдвоём и уговорили царя.

Сел Седун на клячу боком и поехал себе потихонечку.

– Смотрите, смотрите, – кричат и хохочут кругом, – Седун опять на охоту отправился!

– Да сидит как, уж научился! Глядишь, и поймает свинку.

А Седун будто и не видит, не слышит ничего, едет да едет. Доехал до ручья, схватил кобылу за хвост, дёрнул – туша отлетела, а шкуру повесил на

изгородь. Кликнул своего второго, серого коня, опять вошёл в одно ухо – попарился-помылся, в другом оделся-обулся, вновь стал статным да красивым. Вскочил на коня, догнал свояков, дал каждому по уху. Повалились они на колени, глядят вслед, бормочут:

– Свят, свят! Опять Илья-пророк страху нагоняет.

Поймал Седун свинку-золотую щетинку, на обратном пути встречает свояков.

– Да ты, кажись, уже с охоты возвращаешься, добрый молодец, а мы всё-то на лов едем! Не продашь ли нам свинку? – спрашивают Седуна.

– Продам, – отвечает молодец.

– А дорого ли возьмёшь?

– А снимете со своих спин кожи с ремень шириной, так ваша свинка будет.

Призадумались было свояки, да куда деваться – согласились: сняли один у другого по полоске кожи и отдали молодцу. Отдал им за то Седун золотую щетинку и ускакал.

Привезли зятя во дворец небывалую свинку-золотую щетинку, царь пуще прежнего доволен: выхваляется перед гостями, поит всех, любимых зятьев угощает!

Сидят так, пируют все, Седуна, конечно, и не ждёт никто, тут он и возвращается – втрое больше прежнего принёс ворон да сорок!

Узнал про то царь, нахмурился:

– Опять Седун срамит нас!..

Теперь Седуна не допустили к пирующим, хотя он даже тёще гостинец принёс. Повернулся и заковылял в хлев к своей Марпиде...

На этом пиру опять подошли к царю, стали рассказывать, что, мол, далеко-далеко пасётся-гуляет тридцатисаженная кобылица с тридцатью жеребятами...

Даже в лице изменился царь, услышав про ту кобылицу. Призвал зятьев, говорит:

– Изловить надо её и жеребят и пригнать ко дворцу!

Согласились зятья, а сами хоть и мнят о себе много, а и ходить уже не могут, прихрамывают. Собрались, однако, поехали.

Узнал про то Седун, опять уговорил Марпиду пойти к отцу просить третью клячу – хочется, видно, вместе со свояками изловить ту кобылицу.

Пошла Марпида к отцу. И не хотел он отдавать Седуну клячу, да царица-матушка заступилась за дочь, сама приказала кому надо про ту клячу.

Сел Седун на этот раз на лошадь как надо, сидит прямехонько, да ещё и погоняет, чтобы рысью шла.

Увидели его люди, смеяться-то ещё смеются, да поговаривают:

– Смотрите-ка, научился-таки ездить...

Ну, добрался Седун до ручья, схватил кобылицу за хвост, тряхнул её посильнее – туша так прочь и отлетела, а шкуру он удержал, повесил на изгородь. Затем крикнул третьего коня, вороного. Прискакал конь. Залез

Седун в одно ухо – помылся-попарился, в другом оделся-обулся и стал статным и красивым молодцем.

Говорит ему вороной конь:

– Возьми, хозяин, с собой три ведра смолы, три сита тонких иголок да ещё прихвати с изгороди три конские шкуры. Без этого не поймать тридцатисаженную кобылицу, которая там пасётся в поле со своими жеребятами. Как приедем, увидишь – стоит на том поле дуб. Ты полезай на дерево, а меня покрой конской шкурой, облей смолой и обсыпь иголками из сита, затем сделай всё в точности ещё два раза. Сделаешь всё, сиди на дереве и глаз не своди с кобылицы. Как только заметишь, что кобылица умаялась, опустилась на колени, прыгай с дерева и надевай на неё уздечку. Тогда она покорной станет, пойдёт за тобой, куда прикажешь, а жеребята сами побегут следом.

Взял Седун всё, что велел ему конь, и отправился в путь. Свояков, конечно, опять обогнал на полдороге, и опять попало им от него. Повалились те на колени:

– Свят-свят! – бормочут, а Иван летит себе, не останавливается.

Доскакал до поля, где дуб стоит, подъехал к дубу, глядит, кобылица и впрямь пасётся у речки. Седун скорее покрыл своего вороного конской шкурой с изгороди, облил ведром смолы и осыпал иголками из сита. Затем накинуд вторую и третью шкуры, проделал все, что полагалось, а сам залез на дуб.

А тридцатисаженная кобылица увидела тем временем вороного коня, кинулась к нему, да как укусит! Если бы не шкуры, смола и иголки, тут бы и конец ему. Да только старая шкура в рот кобылице попала. Воронко лягается, бьёт кобылицу по бокам, а у той рот шерсти, смолы да иголок полон, кусаться она больше не может! Всё-таки изловчилась, избавилась от этой смолы. Укусила ещё раз, да поболее шкуры захватила, потом в третий раз укусила вороного, весь рот себе шкурой, смолой да иголками забила!

А вороной знай себе отбивается от неё, лягает. Пала она, наконец, на колени. Тут Иван спрыгнул с дуба и взнуздal её. Покорилась она и пошла за новым хозяином. Ну а жеребята – куда им от матери? – бегут следом...

Едет Седун обратно – молодец молодцом, глядит – навстречу ему свояки поспевают:

– Да ты, оказывается, уже поймал кобылицу, а мы всё ещё ловить едем!

– Поймал уж, вот она, – отвечает Седун.

– А не продашь ли нам? – спрашивают.

– А что дадите? – спросил Седун. Свояки мнутя, ничего не могут придумать. А Седун знает: пальцы с ног брал, кожу со спин брал. Не снимать же головы! Не дождался Иван ответа, поехал, оставив свояков на дороге.

Всегда Иван возвращался в свою хлевушку незаметно, а тут глядит – народ на улице собрался, ждёт. Да и как не заметить, ведь целый табун жеребят у молодца, кобылица тридцатисаженная, да ещё его конь вороной! Пыль столбом поднимается. Кто-то вперед побежал конюшню открывать да помочь коней загнать. Радуетя и царь:

– Оленя златорогого зятя поймали, свинку-золотую щетинку поймали, теперь вот и кобылу тридцатисаженную пригнали с жеребьятами!

Про Седуна царь и не вспоминает, разве что гости помянут его:

– Ничего, и он скоро принесёт свою добычу – ворон да сорок.

Ну, стоят все возле конюшни, ждут. Выбежала и Марпида-царевна, тоже отперла свой хлев. Дверь у неё на деревянной петле скрипнула сильно. Заметил царь, рассмеялся:

– Ждёт, что ли, тоже кого Седуника? Глянь, а кони идут не в конюшню к зятьям, а в хлев Седуна!

Удивляются люди:

– Седун, что ли, поймал кобылицу-то с тридцатью жеребьятами?

Зашёл, правда, в хлев молодец, статный, красивый – все заметили, да разве признал бы кто в нём Седуна. А молодец вошёл в хлев и говорит Марпиде-царевне:

– Ну, сходи-ка, жена, растопи баню – дальняя была дорога, запылится.

Истопили баню, собрался он мыться.

– Сходи, – говорит, – Марпида, позови отца.

Пошла Марпида-царевна к отцу, говорит:

– Приглашает тебя зять в баню.

А тот отказывается:

– Велика честь с Седуном в бане мыться – он и так осрамил меня довольно!

А Седун пришёл в баню, повесил на притолоку пальцы с ног да кожаные ремни со спин свояков – плату их за златорогого оленя да за свинку-золотую щетинку – и стал мыться. Царь же сидел-сидел с гостями, да пошёл-таки в баню – мыться не мыться, а выманить у Седуна тридцатисаженную кобылицу с жеребьятами. Как-никак к себе он её в хлев загнал...

Только заходит царь в баню, а ремни да пальцы его любимых зятьёв стук да шлёп его по лбу.

– Чего это ты тут развесил? – спрашивает царь.

– А это, – отвечает Седун, – ремни со спин твоих зятьёв, да пальцы с их ног – плата мне за златорогого оленя да свинку - золотую щетинку.

Не стал мыться царь, воротился во дворец. А тут и зятя пожаловали с охоты. Неразговорчивые вернулись оба, молчаливые, без добычи.

– А ну-ка, – говорит царь, – разувайтесь, покажите ноги!

Нечего делать, разулись зятя. Глядит царь, а больших пальцев на ногах ни у того, ни у другого нет!

– А теперь, – приказывает царь, – снимите рубахи.

Сняли зятя и рубахи. А там гостей, народу на пиру! Так и покатались все от хохота. Все ведь ждали кобылицу тридцатисаженную – и гости, и слуги, и крестьяне. Смотрят на царевых зятьёв-охотников, за животы от смеха схватились. А зятя разутые и раздетые стоят перед всеми, опустив головы, – стыдно им.

– Я вам не то что царство своё, а и кухню не отдам! – говорит царь.

И прогнал он их со двора с их жёнами, со своими пожитками и слугами:

– Чтобы и духу вашего в моем царстве не было!

Прогнал, а сам тут же отправился в баню.

А Иван уже помылся в бане и, конечно, не Седуном вышел оттуда. Помылся-попарился и молодцем стал статным да сильным! Вернулись они с царём во дворец и семь раз столько же, сколько прежде было, славно пировали-столовались с гостями. Ну, затем, конечно, Иван стал царём, а сам прежний царь в бывшие вышел, стариком остался.

А у Марпиды-царевны настала хорошая жизнь. Верно, и сейчас ещё царствует Иван, славно поживает со своей Марпидой-царицей.